

Из-за знакомства с профессором Ли и У Юэ Вэнь Баю не раз доводилось бывать на частных художественных выставках — случалось спускаться и в подземные галереи. Старинная живопись капризна: чтобы продлить ей жизнь, требуется безупречный контроль температуры и освещения.

Однако с подобной параноидальной мерой предосторожности он столкнулся впервые.

В просторном подвальном хранилище возвышался единственный витринный куб, укутанный слоями бронированного стекла, точно слоистая башня. А по самому низу, опоясывая основание, тянулась цепочка амулетов, исписанных алой киноварью. Зрелище выходило не просто странным — откровенно зловещим.

Чжэн Лу торопливо пролепетал, понизив голос:

— Господа, не обессудьте. Раньше всё выглядело иначе... Просто после того случая отец до смерти перепугался и велел нарастить столько стёкол, сколько возможно.

Лу Чжэн с откровенно скучающим видом протянул руку и небрежно сорвал один из киноварных амулетов.

У Чжэн Бочана внутри всё похолодело. Ему показалось, будто вместе с этим бумажным листком от его собственной души оторвали сочный кусок. Нанятые ранее мастера в один голос твердили: к талисманам даже прикасаться нельзя, шаг влево — и жизнь сочтена!

— Господин... господин Лу! — Чжэн Бочан едва не лишился чувств от страха. — Пожалуйста, осторожнее!

Лу Чжэн брезгливо сжал бумажку кончиками пальцев, даже не удостоив её взглядом.

Увидев, как бледнеет Чжэн Бочан, Вэнь Бай поинтересовался:

— Что это за знаки?

— Я... я и сам не разумею, что там начертано, — Чжэн Бочан отёр со лба холодный пот. — Но знатоки божились, будто сии амулеты запечатывают всю нечисть, засевшую в свитке.

Вэнь Бай в даосских письменах тоже не разбирался, однако по абсолютно равнодушному виду Лу Чжэня понял: толку от этих бумажек, как от козла молока.

Сделав несколько шагов вперёд, он остановился перед витриной.

За стеклом покоилась лишь пожелтевшая от времени пустая бумага. Никаких рисунков, никакой магии на первый взгляд — полное соответствие рассказам, без малейших сюрпризов. И пусть Вэнь Бай заранее знал, чего ожидать, внутри всё равно укоренилось лёгкое сожаление.

Заметив досаду на лице помощника, Лу Чжэн мазнул взглядом по свитку:

— Обычная мазня. На что тут смотреть?

— Но это же «Рисунок ребёнка, ведущего быка», — возразил Вэнь Бай.

В личных записках Чжу Фу — Старца из полуразрушенной хижины — упоминалось, что этот свиток он считал лучшим своим творением. Настолько вдохновляющим, что тот больше двух месяцев провисел над его домашним алтарём. Естественно, Вэнь Баю страстно хотелось взглянуть на столь прославленный шедевр.

Лу Чжэн отозвался ещё более равнодушно:

— Из всех его каракулей разве что эта сносной и выходила. Уровня пятилетнего ребёнка.

Вэнь Бай промолчал:

«...»

В очередной раз подтвердилось: смертному трудяге из мира живых ни за что не понять логику своего «начальника из преисподней».

Как на грех, Лу Чжэн уловил едва заметное движение — Вэнь Бай поджал губы. Владыка Лу слегка прищурился и негромко окликнул:

— Вэнь Бай.

— Да?

Лу Чжэн молчал, въедливо всматриваясь в его лицо. Вэнь Бай уже начал терять обладание и поневоле вытянулся в струнку, когда босс вальяжно произнёс:

— Ты сейчас меня про себя поносишь?

Вэнь Бай от неожиданности округлил глаза.

«С-как?! Откуда он знает?! Это же вроде способность Дитина?!»

Он моментально опустил взгляд, спасаясь от убийственного взгляда Лу Чжэня, и затараторил напропалую:

— Вовсе нет! И в мыслях не было!

К счастью, Лу Чжэн лишь тихо хмыкнул, даруя пощаду, и не стал развивать тему.

Задоблив начальство, Вэнь Бай вновь уставился сквозь стеклянный купол на чистый холст. Спустя некоторое время он обратился к владельцу:

— Господин Чжэн, могу я узнать, каким образом к вам попал этот свиток?

Прежде Чжэн Бочан трижды подумал бы, прежде чем выдавать происхождение ценного раритета. Но нынче раритет превратился в горящий уголь, готовый испепелить весь дом.

— На частных торгах за границей выкупил, — без колебаний выложил он.

— Вот как... — кивнул Вэнь Бай.

Заметив тоску в его голосе, Лу Чжэн вопросительно поднял бровь.

— Да так... просто жаль, — вздохнул Вэнь Бай. — Кабы работы мастера Полуразрушенной Хижины не считали в те времена посредственными и бездарными, шедевр не затерялся бы на чужбине.

— Посредственными? Кто тебе подобную глупость вбил в голову? — внезапно подал голос Лу Чжэн.

Вэнь Бай поднял глаза:

— Во всех учебниках истории так написано. — Он осёкся, почувствовав скрытый подтекст. — Разве... это не так?

Лу Чжэн опустил взор к витрине:

— У него спроси.

— У него? — Вэнь Бай приложил ладонь к холодному стеклу.

Лу Чжэн уже повернулся к Чжэн Бочану:

— Открывай.

Защитные плафоны один за другим поползли в стороны, и старинный свиток наконец предстал перед Вэнь Баем во всей своей нагой натуре. Он наклонился ближе, желая рассмотреть фактуру бумаги, как вдруг запястье обжёг короткий импульс тепла.

Белый нефритовый флакон-тыква, давно не подававший признаков жизни, вспыхнул алой искрой.

И тут же тыльную сторону ладони ласково, невесомо кто-то задел.

Вэнь Бай опустил взгляд и, узнав знакомый крошечный силуэт, искренне обрадовался:

— Проснулся?

Чжэн Бочан, ещё не успевший отступить от открытого витринного короба, отчётливо услышал эту фразу и застыл.

«???»

«К-кто проснулся?! Господин Вэнь сейчас что, с подземельем разговаривал?!»

От этой мысли ноги Чжэн Бочана подкосились, а по лодыжкам будто пополз ледяной сквозняк — словно невидимая тварь цапала его за штанину.

— Г-господин Вэнь... вы со мной изволите беседовать?

Вэнь Бай:

«...»

Он банально забыл о присутствии посторонних. А Лу Чжэню на смертных было чихать с высокой колокольни.

Видя, что старик Чжэн превратился в восковую статую, Вэнь Бай обратился к его сыну:

— Молодой господин Чжэн, выведите отца наверх.

Возраст всё-таки почтенный, не дай бог кондратий хватит.

Чжэн Лу глянул на батю, готового вот-вот грохнуться в обморок, сопоставил всё с поведением Вэнь Бая — тот явно общался с кем-то невидимым! — и сам ощутил, как мороз дёргает по коже. Суматошно закивав, он подхватил обмякшего родителя под руки и торопливо увлёк к выходу.

В просторном подземном хранилище остались лишь Вэнь Бай, Лу Чжэн, группа даосов из храма Цинъюнь да юный Линь Цю. Даос Ли Чжицин и его ученики жлись к стенам на почтённом расстоянии, поэтому тихий шёпот Вэнь Бая до них не долетел; они решили, что Чжэн Бочан сбежал от ужаса перед нечистью.

Малыш-фонарь тем временем окончательно прочухался. Заметив, что Вэнь Бай обронил пару слов и отвлёкся, он обиженно пискнул.

Забыв о стоящих у стены даосах, Вэнь Бай ласково потрогал огонёк на его макушке:

— Как спалось, малыш?

— Хорошо-о... — раздался сладкий, заспанный голосок.

Окутанный нежной ленивой дугой, Маленький лотосовый фонарь пополз по руке Вэнь Бая вверх, примостился на плече и трогательно прижался лиственным чашелистиком к его шее.

— А я тебя во сне видел! И очень-очень скучал! А ты по мне скучал?

Вэнь Бай тепло улыбнулся:

— Конечно скучал.

Малыш-фонарь покачал пышным бутонем, повернулся — и лишь тут осознал присутствие Лу Чжэня. Радостно восторженно, дух рванул к нему, но Владыка Лу выставил палец.

— Уймись.

Щелчок по макушке вывел из строя: на малыша будто дунул лёгкий шквал, и фонарик, смешно кувыркаясь в воздухе, слетел обратно на руки Вэнь Бая.

Сжав лепестки, малыш жалобно пискнул:

— У-у-у...

У Вэнь Бая сжалось сердце, он тут же принялся поглаживать растрёпанный бутон:

— Больно сделал?

Фонарик скорбно захныкал, всем видом показывая: да, ужасно больно!

Вэнь Бай укоризненно глянул на босса:

— Вы его ушибли.

Лу Чжэн:

«...»

Владыка Лу бесцеремонно сжал чашелистик хитрой твари:

— Больше слушай этого вруна.

Залившись тонким звонким хохотом, Малыш-фонарь наконец обратил взор на старинный свиток. Склонив набок упитанный бутон, он пристально оглядел пожелтевший холст и плавно опустил вниз. Сделав пару вальяжных кругов, малыш ткнулся листиком в старинную бумагу — явно заинтересованный.

— Не трогай, здесь что-то не так! — предостёрёг Вэнь Бай.

Пока суть да дело и безопасность не доказана, он категорически не желал, чтобы дух рисковал собой.

Вэнь Бай уже протянул руки, дабы подхватить фонарик, но едва его пальцы коснулись лепестков, как огонёк в сердцевине духа вспыхнул ярким языком пламени. Вспышка слепящего света — и Малыш-фонарь растворился без следа!

В то же мгновение Белый нефритовый флакон-тыква на его запястье тяжёлым грузом потянул руку прямо к картине.

Рывок — и, разомкнув веки, Вэнь Бай осознал, что подземного хранилища больше нет.

Вокруг царила ослепительная, стерильная белизна. Этот цвет не походил ни на снежную гладь,

ни на мел, а казался самой сутью первозданного ничто. Если пытаться подобрать сравнение — он будто очутился в непроглядной бездне, где не видать собственной вытянутой руки, с той лишь разницей, что бездна эта сияла белкой.

— Есть кто-нибудь?! — дважды окликнул Вэнь Бай, но ответом ему зазвенела пустота.

Он вспомнил мгновения перед провалом: сначала исчез Малыш-фонарь, следом за ним белый нефритовый флакон-тыква рванулся вперёд, и неведомая сила увлекла его за собой.

А значит, если рассуждать логически, маленький дух тоже находится где-то здесь.

Вэнь Бай замер, не ведая, принесли ли эти мысли облегчение или лишь подлили масла в огонь тревоги.

Он шагнул вперёд. Белое марево резало глаза до рези. Потеряв ориентацию в пространстве, он брёл наугад неизвестно сколько времени, хотя внутреннее чутьё подсказывало: он топчется на одном месте, описывая бесконечные круги.

Вэнь Бай уже намеревался присесть, дабы перевести дух и распутать клубок мыслей, как вдруг сквозь мёртвую тишину донёсся протяжный, раскатистый бычий рёв.

Первый звук в этом безжизненном царстве!

Вэнь Бай вскинул голову.

Сколько он ни вглядывался в белёсую пелену, разглядеть ничего не удалось, но мычание прозвучало слишком отчётливо, чтобы оказаться галлюцинацией.

Постойте... Вэнь Бай нахмурился.

Рёв быка?

«Рисунок ребёнка, ведущего быка»!

Так он что... угодил прямиком внутрь свитка?!

Вэнь Бай и понятия не имел, что его полчаса, проведённые в белом ничто, в реальном мире уложились в ничтожное мгновение.

В ту самую секунду, когда он осознал своё положение, температура в подземном хранилище Чжэн Бочана стремительно рухнула вниз. Стояла душная июньская жара, но помещение вмиг превратилось в лютый январский ледник.

Виновником этого ада холода выступал оставшийся снаружи Лу Чжэн.

Даосы из храма Цинъюнь уже всю отбивали чечётку зубами от невыносимого мороза. Они ума приложить не могли, что стряслось: брызнула ослепительная вспышка — и кроткий Бессмертный Вэнь растаял в воздухе, точно призрак.

А на его месте остался Владыка Лу, на чьём лице аршинными буквами было выведено: «Вы все сейчас сдохнете».

Первым опомнился Линь Цю:

— Свиток!

Ученики Цинъюня, обретя в лице мальчишки спасительную соломинку, моментально сгруппировались за его хрупкой спиной:

— Что свиток?!

Линь Цю, не отводя взгляд от Лу Чжэня, твёрдо произнёс:

— Бессмертный Вэнь внутри картины.

Даосы обалдели:

«???»

Лу Чжэн сощурился и нахмуренно обернулся к мальцу.

Он и без посторонних соплей ведал, что пакость устроило отродье, обитающее в свитке. Но откуда о том проведал этот сопляк?

Лу Чжэн и прежде не питал к Линь Цю ни малейшего интереса, а уж из-за того, что Вэнь Бай проявлял к пареньку излишнюю заботу, и вовсе испытывал глухое раздражение. Однако кабы мальчишка оказался связан с духом картины... что ж, любопытно посмотреть, какую дичь он выкинет.

Владыка Лу слегка сконцентрировал дух, но, едва углядев над теменем Линь Цю сполохи

сокровенного света, утратил всякое любопытство.

Ничего эдакого.

Духовные силы — тлен, зато обострённое чутьё на порядок превосходит человеческое. Это хотя бы объясняло, отчего парень залипал на белый нефритовый флакон-тыква.

Убедившись, что мальчишка никак не связан с духом свитка, Лу Чжэн потерял к нему интерес.

Повернувшись к витрине, он небрежно взмахнул рукавом — и лежавший на столе свиток оторвался от поверхности, зависнув прямо в воздухе.

Даосы застыли истуканами:

«...»

Вслед за этим до ушей присутствующих донёсся ледяной голос Владыки:

— Выпустишь? Или как?

Даосы:

«...»

— Наставник... а с кем это Великий Предок... с картиной разговаривает?!

Ли Чжицин тяжело перевёл дух:

— Разумеется с картиной. Не с нами же.

— Но разве картинка может отвечать?! — заикаясь, пискнул один из учеников.

И ровно в ту секунду, когда его слова растаяли в воздухе, «неспособная отвечать картина» взвизгнула:

— Не выпущу!

Все присутствующие:

«...»

Лу Чжэн не торопясь зажѣг алый огонь на кончиках пальцев:

— Выбирай: либо отдаёшь людей, либо я прожгу в твоём макушечном темечке дыру.

Свиток моментально забился в истерике:

— Ты... да как ты смеешь?!

Лу Чжэн аж усмехнулся. Столько веков прошло, а тут какая-то сопливая тварь смеет качать права перед ним!

— Рискни — проверишь.

— Тебе нельзя меня жечь! — Свиток исходил бессильной яростью, судорожно ища предлог. — Внутри сидит тот красивый человек и маленькая бумажная лампочка! Если ты меня испепелишь, им вовек оттуда не выбраться!

Заслышав это, Лу Чжэн отчеканил с поистине космическим холодом:

— Тебе стоит молиться на то, что он внутри. Иначе дырой в макушке ты бы не отделался.

<http://bllate.org/book/20643/2132263>